

## НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ОКРАС СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПАТЕРНАЛИЗМА

### Аннотация.

*Актуальность и цели.* Ощущение враждебности, возродившееся в российском обществе за последние годы, требует осмысления причин нарастания изоляционистских установок среди населения, в частности по отношению к мигрантам, к «выходцам из южных республик», к внешнеполитическим оппонентам, и рессентимента. Цель данного исследования – выявление основных объектов неприязни среди россиян и границы принятия «Другого», а также изучение патерналистских установок населения.

*Материалы и методы.* В основе статьи лежат данные общероссийских репрезентативных опросов городского и сельского населения России старше 18 лет, проведенных Левада-Центром. Статистическая ошибка исследований такого типа не превышает 3,4 % (для выборки 1600 человек) и 4,1 % (для выборки 800 человек). Возможность составления динамических рядов для ряда вопросов позволила проследить установки населения России по отношению к иммигрантам более чем за десятилетний период. В рамках поставленных исследовательских задач автор также обращался к результатам кросс-страновых мониторингов (в первую очередь данным ISSP) с целью поиска сходства и отличий в общественном мнении в России и в западных странах по таким вопросам, как иммиграция и национализм. Для подтверждения количественных данных опросов были использованы результаты качественного метода – фокус-групп, проведенных Левада-Центром в первой половине 2015 г. на общественно значимые темы.

*Результаты.* Выявлены основные объекты неприязни среди населения России, проанализированы основания возникновения изоляционистских установок среди россиян, описан уровень поддержки населением националистических требований, циркулирующих в публичном пространстве.

*Выводы.* Изучение общественного мнения показывает то, что именно сильная привязанность населения России патерналистической модели взаимодействия с государством представляет благоприятную почву для роста негативных аттитудов в отношении «Других», набор которых в различные исторические периоды (войны, конфликты, кризисы) может меняться. Изоляционистские установки по отношению к мигрантам, «выходцам с Кавказа», «фашистам» и пр. формируются на уровне коллективной памяти и мифологем, прочно внедрившимся в национальное самосознание, а не на уровне повседневных поведенческих практик.

**Ключевые слова:** ксенофобия, патернализм, общественное мнение, иммигранты, национализм, этничность, государственная политика.

К. Д. Pippiia

## NATIONALIST COLORATION OF MODERN RUSSIAN PATERNALISM

### Abstract.

*Background.* A sense of animosity, which has relived over the last years, demands to understand the causes of growing insulating attitudes across the popula-

tion, in particular towards migrants, Caucasian and Central Asian immigrants, foreign policy opponents and resentment. The research aim is to reduce basic objects of xenophobia across Russia and the psychological boundary of admission the "Others" and to examine paternalistic attitudes of the population.

*Materials and methods.* The paper is based on data of representative surveys which were conducted by the Levada-Center throughout Russia in both urban and rural settings. The surveys were conducted among people over the age of 18. The statistical error of these studies does not exceed 3,4 % (when N = 1600) and 4,1 % (when N = 800). Regular samples of public opinion provided an opportunity to compose dynamic ranks that allowed retracing attitudes towards immigrants across the population for the period over a decade. The data of ISSP Study Monitoring were used for comparison of the public opinion about immigration and nationalism in Russia and Western countries. Also the qualitative method (as focus-groups) was applied. It took place in the first half of 2015.

*Results.* During the research the basic objects of xenophobia across the population of Russia were indicated. Also the bases for the origin of isolationist attitudes were analyzed and the support level of nationalistic claims, circulating in the public space, was described.

*Conclusions.* The public opinion suggests that strong affection of Russians for the paternalistic interaction model with the State is a fertile ground for the growth of negative attitudes towards the "Others". The composition of objects of xenophobia is always different as it is always affected by different historical periods (like periods of war and crises). Isolationist sentiments are formed on the level of collective memory and mythologema which are stably incorporated in the national consciousness instead of being a part of casual collective practices.

**Key words:** xenophobia, paternalism, public opinion, immigrants, nationalism, ethnicity, state policy.

**Представления о врагах.** Ощущение враждебности, возродившееся в российском обществе за последние годы и нашедшее отражение в буме литературы об угрозах, исходящих от «врагов» страны [1], фиксируется социологическим инструментарием. Начиная с 2013 г., растет доля россиян, которые считают, что у России есть враги, достигнув в 2014 г. максимального значения в 84 % [2]. Факт «закипания» российского общества стал очевиден не только полстерам, академическому научному сообществу или государственным управленцам, но и рядовым гражданам, участвующим в создании инициатив, направленных на противодействие ксенофобии, насилию и дискриминации<sup>1</sup>.

Конструкция «врага» – неотъемлемый элемент коллективной идентичности. Как справедливо отмечает ряд авторов, еще в первобытном обществе жертвоприношения являлись основой групповой солидарности [3]. Возложение вины на жертву («victim blaming»), врага – важный фактор, предохраняющий и отвлекающий членов сообщества от внутренних разногласий, поддерживавший групповую лояльность. Этнограф Дж. Фрэзер в своем фундаментальном труде «Золотая ветвь» приводил немало примеров обрядов и ритуалов коллективного изгнания злых духов, олицетворенных предметами,

<sup>1</sup> Пресс-выпуск Левада-Центра. Внешнеполитические враги и партнеры России. – URL: <http://www.levada.ru/2014/10/21/vneshnepoliticheskie-vragi-i-partnery-rossii/> (дата обращения: 21.09.2015).

животными или людьми, к которым прибегали первобытные люди по всему миру, чтобы избавить общество от различных напастей [4, с. 573].

Жертвы могли быть реальными (военнопленные) или мифическими (стихии, злые духи). Вслед за присвоением статуса жертвы в отношении предполагаемого «врага» предпринимались реальные действия – танцы, ритуальные убийства, пытки. Сегодня монополия на наказание и насилие всецело принадлежит государству, а первобытная жестокость по отношению к человеку выходит за рамки социально одобряемого, поэтому для назначения «виноватых» используются другие инструменты – законы, информационные войны, ограничение прав и доступа к ресурсам и др.

В основе конструкции «врага» может лежать разный базис. Функционально образ «Другого» может использоваться как основа коллективной идентификации, особенно в периоды социально-культурных кризисов, когда общественные институты или государственные управленцы не могут предложить новую ценностно-смысловую систему взамен утраченной, и тогда «единственным основанием для идентификации в качестве “мы” оказывается образ “Другого”» [5, с. 86]. «Враг» может стать инструментом групповой мобилизации (что характерно для военных периодов), а после прекращения конфликта переходить в «спящий» режим, погружаясь на дно структуры коллективной идентичности.

Таким образом, с одной стороны, «враг» может рассматриваться как военный противник, представляющий реальную физическую опасность для населения страны, с другой – как носитель определенной социально-культурной угрозы для «ингруппы», в этом качестве в российском обществе сегодня в первую очередь выступают мигранты.

**Реакция большинства на иммигрантов.** Несмотря на вытеснение внешнеполитической повесткой темы миграции из публичного пространства за последние два года, депроблематизации в общественном сознании иммиграционного фактора не произошло. 40 % россиян в марте 2015 г. хотели бы ограничить миграционный поток в страну. Тот факт, что на политизации антимигрантских настроений можно заработать электоральную поддержку, подтверждался в 2013 г., когда активно освещались антимигрантские рейды, которые проводились властными органами (иногда при участии инициативных групп). Стоит вспомнить стихийно образованный лагерь для мигрантов в Гольянове в Москве, а также местные предвыборные кампании, в которых каждый кандидат затронул тему миграции.

Для российских политиков было бы недальновидно не использовать антимигрантские и изоляционистские настроения, циркулирующие среди населения, как это делают их европейские коллеги из правого лагеря. Если в 2002 г. соотношение россиян, одобряющих приток приезжих и выступающих за его ограничение, составляло 1:1, то в 2014 г. уже 1:5 [6]. Как показывает международное исследование<sup>1</sup>, самая высокая поддержка иммиграционной политики, проводимой правительствами европейских стран, фиксируется в России, где 67 % опрошенных одобряют те меры, которые предпринимаются политическим руководством в этой сфере.

---

<sup>1</sup> Transatlantic Trends: Mobility, Migration, and Integration : report. – URL: <http://www.gmfus.org/publications/transatlantic-trends-mobility-migration-and-integration> (дата обращения: 29.09.2015).

**Этнофобия: маркеры и преступность.** Результаты опросов показывают, что основными объектами неприязни среди большей части россиян являются «выходцы с Кавказа», проживание которых на территории РФ хотел бы ограничить каждый третий респондент. Пятая часть опрошенных поддерживает сокращение дотаций из федерального бюджета в Северо-Кавказский регион (табл. 1). Однако действительная поддержка несколько выше. Когда респондентам предлагают согласиться или не согласиться с лозунгом «Хватит кормить Кавказ», т.е. исследуют отношение к той же идее, но в более понятной, «народной» формулировке, данные опроса показывают, что половина опрошенных одобряет его.

Таблица 1

**Какие из следующих требований Вы готовы поддержать?**  
(в процентах к общему числу опрошенных; множественный выбор)

|                                                                           | Все | Респонденты, которые ставят превыше заботу государства | Респонденты, которые ставят превыше права человека |
|---------------------------------------------------------------------------|-----|--------------------------------------------------------|----------------------------------------------------|
| Пропаганда здорового образа жизни                                         | 55  | 59                                                     | 51                                                 |
| Ограничение миграции                                                      | 40  | 51                                                     | 29                                                 |
| Возвращение к традиционным ценностям – многодетность, религиозность и др. | 27  | 28                                                     | 26                                                 |
| Сокращение дотаций из федерального бюджета в Северо-Кавказский регион     | 22  | 29                                                     | 14                                                 |
| Борьба с «этнической преступностью»                                       | 21  | 20                                                     | 25                                                 |
| Национализация основных секторов экономики                                | 21  | 27                                                     | 15                                                 |
| Создание единого союзного государства Украина – Беларусь – Россия         | 17  | 18                                                     | 16                                                 |
| Возвращение России к имперской роли с сильным лидером во главе            | 16  | 17                                                     | 16                                                 |
| Борьба с национал-предателями, «пятой колонной»                           | 15  | 14                                                     | 16                                                 |
| Сохранение «чистоты крови» русского народа                                | 14  | 17                                                     | 12                                                 |
| Прекращение или сведение к минимуму контактов с Западом                   | 10  | 12                                                     | 8                                                  |
| Децентрализация власти                                                    | 9   | 10                                                     | 9                                                  |
| Не готов(-ва) поддержать ни одно из требований                            | 6   | 3                                                      | 7                                                  |
| Затруднились ответить                                                     | 6   | 6                                                      | 4                                                  |

**Примечание.** Результаты общероссийского репрезентативного опроса городского и сельского населения РФ среди 800 человек, проведенного Левада-Центром в марте 2015 г.

14 % населения выступает за сохранение «чистоты крови» русского народа. Единственная группа, где сильны примордиалистские ориентации, – это россияне, идентифицирующие свои взгляды как «русские национально-пат-

риотические» и считающие, что прежде всего необходимо соблюдать интересы русского народа. На современном этапе мирового развития грубая приверженность биологическим концепциям нациестроительства считается если не маргинальной, то по крайней мере нежизнеспособной, особенно в крупных странах иммиграции, к которым относится и Россия, возможно, за исключением Германии, в которой еще слышны отголоски национальной политики, проводимой вплоть до объединения и сводимой исключительно к этнокультурному аспекту. Сегодня все модернистские общества мыслят в категориях гражданства, а не этничности.

Однако периодически возникают инициативы, направленные на реанимацию забытых понятий. В феврале 2015 г. в Госдуму РФ был внесен законопроект, который позволяет добровольно указывать в паспорте и свидетельстве о рождении свою национальность/национальность ребенка [7]. Как заявляется, основная цель документа – «способствование сохранению самобытности каждой этнической общности многонационального народа России». Как автор указывал ранее [8, с. 168], данная инициатива и ее общественное одобрение вызывает больше вопросов, нежели ответов.

Каждый пятый россиянин поддерживает борьбу с «этнической преступностью» (см. табл. 1). Преувеличенное представление о количестве правонарушений, осуществляемых иностранными гражданами, прочно внедрилось в общественное сознание, как и другие мифы о мигрантах. По данным сравнительного кросс-странового исследования<sup>1</sup>, Россия занимает первое место среди европейских государств по числу респондентов, уверенных, что иммигранты увеличивают уровень преступности в стране прибытия. Хотя отечественные исследователи, занимающиеся вопросами миграции, не раз подчеркивали, что тотальной криминализации России мигрантами нет [9, с. 123]. По последним данным Роскомстата, число преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории РФ, составляет 45,5 тыс. человек. Это 2,07 % от общего числа зарегистрированных преступлений. Кроме того, динамика «мигрантских» преступлений за последние пять лет демонстрировала позитивный тренд на снижение преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства<sup>2</sup>.

По негативному восприятию населением иммигрантов в качестве конкурентов за рабочие места Россия уступает лишь Чехии, хотя разница между странами не выходит за пределы точности подобных измерений. Как показывают исследования, этот миф также не находит никакого реального подтверждения. Если конкуренция и имеет место, то непосредственно внутри мигрантской среды [10, с. 11].

**Иммигранты как культурная угроза.** Иммиграция как угроза «разрушения» российской культуры также воспринимается россиянами острее, чем жителями Европейского союза. И если другие мифы о мигрантах не поддерживают практической (статистической) проверки и их достаточно легко

---

<sup>1</sup> The final release of the international data file of the ISSP 2013 National Identity. – URL: <http://www.issp.org/page.php?pageId=4> (дата обращения: 14.11.2015).

<sup>2</sup> Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Основные показатели преступности». – URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#) (дата обращения: 03.09.2015).

развенчать, то с культурным расизмом, открывающим широкие возможности для манипуляций различного рода, бороться действительно сложно.

По данным третьей волны ISSP, практически половина россиян (49 %) считает, что иммигранты «размывают» культуру страны приема. Популярность расизма в «культурной» обертке, на взгляд автора, можно свести к следующему. Во-первых, установка на восприятие инокультурного населения (в англоязычном сленге для его обозначения часто употребляется словосочетание «Fresh Off The Boat») как «дикого», с иными образцами поведения, с точки зрения большинства, позволяет местному населению, попадающему под миграционный «ливень» и неготовому к нему, чувствовать себя более уверенно. Для того чтобы подчеркнуть культурную неполноценность «Других», демонстрируется собственное обладание символической ценностью рождения или долгого проживания на данной территории (несомненно, могут использоваться и другие критерии членства).

Исследования показывают [11], что установки по отношению к ново-прибывшим мигрантам негативнее у ассимилированных мигрантов, относительно недавно получивших гражданство страны приема, чем у «коренного населения». Можно предположить, что эта враждебность не что иное, как ощущение конкуренции за рабочие места и прочие ресурсы. Это касается не только внешних инокультурных мигрантов, но и внутренних мигрантов, перемещающихся в пределах одной страны. Вспомнить хотя бы широко распространенный термин «коренные москвичи».

Во-вторых, неудачи за попытки интеграции новоприбывших могут вменяться представителям тех или иных этнических групп как неспособность адаптироваться к новым условиям, ввиду приверженности особым культурным установкам, несовместимым с ценностями страны приема. В данном контексте проблема интеграции существует в сознании большинства не потому, что принимающая сторона ставит «палки в колеса», затрудняя интеграционный процесс (из-за коррупции, недальновидности или ошибок в иммиграционной политике, стремлении поиграть на антимиграционных настроениях населения, чтобы заручиться электоральной поддержкой), а потому что, дескать, иммигранты «априори неспособны безболезненно влиться в местное сообщество». Однако тогда встает вопрос о тех иммигрантах и этнических меньшинствах, которые не просто смогли интегрироваться, но и добиться значительных успехов в стране приема. Представления о неассимилируемости в таком случае могут замещаться другими негативными клише, такими как, например, чрезмерное богатство или засилье во власти той или иной этнической группы, что хорошо прослеживается на примере антисемитских настроений, фиксируемых в конце 90-х гг. [12, с. 241].

**Далекий «Чужой».** Как справедливо отмечал Борис Дубин [13, с. 11], современный русский «национализм не относится к свойствам самого респондента, его близких, земляков и т.п., а локализуется вовне», т.е. выходит за рамки повседневных практик россиян. Можно предположить, что именно поэтому внешняя ксенофобия, объектами которой являются другие государства и их политика (дипломатическая, культурная, правовая), так часто усиливается в периоды внешнеполитической нестабильности. После украинского кризиса ощущение присутствия внешних врагов среди россиян, к которым население в первую очередь относит США, НАТО, Запад, ведущие европейские

страны, достигло значений, ранее не наблюдаемых социологами (табл. 2). В данном случае поллстеров трудно обвинить в ангажированности. На открытый вопрос о том, кого можно назвать врагами России, где респонденты отвечают самостоятельно, без «подсказывающих» карточек, первое место все равно занимает западная компонента, а также структуры, с точки зрения большинства открыто или латентно аффилированные ей (политические круги, международные организации, мировая закулиса).

Таблица 2

**Кого бы Вы назвали врагами России?**  
(в процентах к общему числу опрошенных; множественный выбор)

|                                                            |     |
|------------------------------------------------------------|-----|
| 1. США                                                     | 79  |
| 2. НАТО                                                    | 48  |
| 3. Фашисты, бандеровцы                                     | 42  |
| 4. Политические круги на Западе                            | 25  |
| 5. Международные террористические организации              | 21  |
| 6. Чеченские боевики                                       | 20  |
| 7. Ведущие страны Европы (Германия, Великобритания и т.д.) | 19  |
| 8. Бывшие республики СССР (Украина, Грузия и т.д.)         | 18  |
| 9. Исламисты, сторонники фундаментального ислама           | 18  |
| 10. Национал-патриоты, радикальные националисты            | 13  |
| 11. Масоны, мировая закулиса                               | 13  |
| 12. Польша                                                 | 10  |
| 13. Российские олигархи                                    | 10  |
| 14. Финансовые круги на Западе                             | 10  |
| 15. Сепаратисты внутри России                              | 9   |
| 16. Сионисты                                               | 8   |
| 17. Русофобы                                               | 7   |
| 18. Ватикан, Папа Римский                                  | 3   |
| 19. Либералы-западники                                     | 3   |
| 20. Те, кто сегодня стоит у власти                         | 2   |
| 21. Китай                                                  | 2   |
| 22. Коммунисты                                             | < 1 |
| Другие                                                     | 1   |
| Затруднились ответить                                      | 2   |

**Примечание.** Результаты общероссийского репрезентативного опроса городского и сельского населения РФ среди 1600 человек, проведенного Левада-Центром в декабре 2014 г.

Здесь примечательны два момента. Во-первых, ощущаемая враждебность со стороны западных стран большую часть населения не пугает, а санкции и прочие антироссийские меры воспринимаются преимущественно в контексте безуспешных попыток ослабления России – в июне 2015 г. 66 % опрошенных думали таким образом<sup>1</sup>. Во-вторых, фиксируется коллективная

<sup>1</sup> Пресс-выпуск Левада-Центра. Санкции и контрсанкции. – URL: <http://www.levada.ru/29-06-2015/sanktsii-i-kontrsanctions> (дата обращения: 05.10.2015).

надежда на то, что санкции дадут толчок развитию и модернизации отечественной экономики: сельскохозяйственной сферы, обороноспособности и т.д.

Заметны и перемены в представлениях о том, какими могут быть отношения России с Западом. Если десять лет назад сторонников мнения о том, что отношения между ними могут быть «по-настоящему дружественными», и тех респондентов, кто считал, что от «недоверия во взаимоотношениях между ними» никуда не уйти, было практически поровну (44 против 42 %), то сейчас соотношение между «оптимистами» и «пессимистами» составляет 1:3<sup>1</sup>.

Внешняя ксенофобия, трактуемая как отказ от принятия зарубежных ценностей и политических решений, в общественном сознании россиян существует параллельно с установкой восприятия своей страны как «особого» государства, которое неспособно развиваться в стандартных рамках общеевропейской цивилизации. Российская «особость» апеллирует в первую очередь к идеологии такого исторического развития страны, которая легитимирует неприятие западных ценностей: потребительства, мультикультурализма, толерантности. Эта мифологема «особого пути», разделяемая каждым вторым жителем страны<sup>2</sup>, не имеет четкого содержательного раскрытия, подразумевается, что ее нужно принимать безапелляционно. На фокус-группах у респондентов не выражено представление об этом пути, им сложно без подсказок со стороны модератора сформулировать свое мнение о том, куда движется Россия и что ее ждет в будущем. Исключительность народа, истории и страны занимает прочное место в структуре национальной идентичности, в которой, несмотря на ее динамичный характер, всегда присутствует представление об «особом» положении России. Однако данная идея остается в большей степени объектом манипулирования, нежели реальными, воспроизводимыми и общепринятыми *осознанными* практиками.

**Патернализм как основа солидарности.** По мнению В. Малахова [14, с. 117], все государства Запада, принимающие мигрантов, сталкиваются с дилеммой: целостность общества vs. права человека. Можно ли пожертвовать общественным спокойствием ради того, чтобы иммигранты могли реализовывать свои права и свободы, даже если они идут вразрез с принятым общественным устройством?

Исследования показывают, что для большей части российского общества приоритетным является социальная консолидация. 53 % опрошенных на просьбу выбрать наиболее близкую к личному мнению позицию по поводу того, каким должно быть современное государство, ответили, что государство должно заботиться о своих гражданах, сохранять свою традиционную культуру и религию, защищать их от «чужого». 40 % респондентов настаивают на первоочередном соблюдении прав человека. Причем среди тех россиян, кто ставит превыше всего индивидуальные права и свободы, доля сторонников ограничения миграции практически в два раза ниже, чем среди патерналистски ориентированных (см. табл. 1).

<sup>1</sup> Пресс-выпуск Левада-Центра. Россия – Запад: восприятие друг друга в представлениях россиян. – URL: <http://www.levada.ru/26-06-2015/rossiya-zapad-vospriyatie-drug-druga-v-predstavleniyakh-rossiyan> (дата обращения: 18.09.2015).

<sup>2</sup> Пресс-выпуск Левада-Центра. Исторический путь России. – URL: <http://www.levada.ru/21-04-2015/istoricheskii-put-rossii> (дата обращения: 23.08.2015).



Данные опроса подтверждаются качественными методами. Молодые люди в силу своего возраста и отсутствия негативного жизненного опыта, казалось, должны быть настроены менее конформистски, однако на фокус-группах ими транслировались такие паттерны, как, например, «если не смог подстроиться под общество, то виноват сам», «приходится мириться с теми условиями, что есть», «будем влиять на что-то, если только пойдем работать в Госдуму».

На вопрос об иерархии ценностей для их сверстников в России и за рубежом ни один респондент в возрасте старше 55 лет не обозначил ценность для россиян такого качества, как свобода, в отличие, например, от французов, для которых это качество называли. Уместно вспомнить, что первой реакцией большей части населения России на события, связанные с расстрелом редакции журнала «Шарли Эбдо», была оценка «заслужили», а не осознание данного акта как нарушения прав и свобод самовыражения граждан, даже если эти карикатуры идут поперек религиозных верований. Любое посягательство на ценность свободы (как в случае расстрела редакции, так и в случае недавних терактов в Париже в ноябре 2015 г.) жителями Франции воспринимается особенно остро, способствуя подъему низовой (ненасильственной!) активности и общественной интеграции – выходу на площади, массовому пению «Марсельезы» и пр.

На нормативном уровне охранительный патернализм легитимируется «ограничительными» законами, принятыми за последние годы: о запрете пропаганды гомосексуализма, об оскорблении чувств верующих, об иностранных агентах и других актах, положительно воспринятых большей частью населения<sup>1</sup>. Кроме того, принятие консервативных законов осуществлялось «сверху вниз», т.е. инициатором выступало государство, тем самым демонстрируя свою позицию по обозначенной выше дилемме.

Только каждый десятый россиянин поддержал «децентрализацию власти». О приверженности большей части россиян патерналистской модели государственного управления, когда государство всецело берет на себя заботу о гражданах (как правило, в обмен на что-то – права, свободы, политическую активность), известно давно, а в контексте внешнеполитического противостояния и национальной консолидации против «врагов» поддержка этой модели взаимодействия между гражданами и государством лишь усиливается (табл. 3). Данный патернализм носит охранительный характер: в одну из обязанностей государству вменяется забота о *своих* гражданах, о *своей* традиционной культуре и защита от всего чужеродного.

Четвертая часть населения готова поддержать возвращение к традиционным ценностям – к многодетности, к религиозности и пр. Наиболее высокая доля традиционалистски настроенных среди женщин (29 %); россиян, принадлежащих к средним возрастным группам (28 %); высокообеспеченных респондентов (36 %); жителей средних городов (34 %). Лишь каждый пятый опрошенный среди молодежи в возрасте до 24 лет и москвичей одобряет консервативный поворот, что меньше по сравнению с другими группами и с показателем в целом по стране.

---

<sup>1</sup> Пресс-выпуск Левада-Центра. Россияне об репрессивных законах. – URL: <http://www.levada.ru/25-11-2013/rossiyane-o-repressivnykh-zakonakh> (дата обращения: 29.08.2015).

Таблица 3

**На каком из следующих принципов, на Ваш взгляд, должно быть  
устроено общество, в котором Вы хотели бы жить?**  
(в процентах к общему числу опрошенных; один ответ)

|                                                                       | Октябрь<br>2001 | Декабрь<br>2006 | Декабрь<br>2007 | Декабрь<br>2010 | Декабрь<br>2011 | Март<br>2015 |
|-----------------------------------------------------------------------|-----------------|-----------------|-----------------|-----------------|-----------------|--------------|
| Власть должна заботиться о людях                                      | 64              | 74              | 66              | 65              | 63              | <b>72</b>    |
| Люди должны иметь возможность добиваться от власти того, что им нужно | 33              | 21              | 30              | 29              | 32              | <b>25</b>    |
| Затруднились ответить                                                 | 3               | 5               | 4               | 6               | 5               | <b>3</b>     |

**Примечание.** Результаты общероссийского репрезентативного опроса городского и сельского населения РФ среди 1600 человек, проведенного Левада-Центром в марте 2015 г.

Данные требования лишь с определенной степенью условности можно назвать националистическими, поскольку представители правых сил (или те, кто позиционирует себя в качестве таковых) активно оперируют ими. Однако, как справедливо отмечает Э. Паин, российские националисты по своим взглядам не являются единой группой, а представляют мозаичность, складывающуюся из различных течений [15, с. 12], представители которых используют лозунги, часто противоречащие друг другу.

Большая часть требований не находит поддержки даже у трети населения, за исключением пропаганды здорового образа жизни, которую поддерживает более половины опрошенных. В националистической среде достаточно сильный акцент делается на здоровом (спортивном, непьющем) образе жизни, но уникальностью эта повестка не обладает. Власти также стараются приучать население к спорту, борьбе с пристрастием к алкоголю и курению, «перехватывая» у националистов возможность монопольного манипулирования темой. Второе исключение – это поддержка населением ограничительной миграционной политики, что было изложено выше.

Такая раздробленность и отсутствие всеми (или большинством) одобряемых лидеров, претендующих на публичное представление правых взглядов, делает их практически незаметными в политическом процессе. В отличие от ряда европейских стран, где партии правого толка не только представлены в органах власти, но и проводят антимигрантскую политику, ужесточая иммиграционное законодательство и препятствуя инкорпорированию новобывших в основную массу населения (например, в Нидерландах и в Дании).

**Выводы и повестка на будущее.** В 1993 г. Ю. Левада, описывая «советского простого человека», отмечал его сильную привязанность к государственности и предупреждал, что «патернализму непременно соответствует инфантилизм, самосознание подростка, недоросля» [16, с. 16]. Сегодня инфантилизм проявляется в нежелании граждан активно участвовать в работе социальных институтов, осуществлять благотворительную деятельность, самостоятельно конструировать свою жизнь. Круг доверия большинства граж-

дан ограничивается родственниками, а в случае крайней необходимости проблемы решаются блатом и взятками [17, с. 19].

Все государственные программы последних лет (от укрепления единства российской нации до патриотического воспитания граждан) содержат меры, призванные расшевелить «спящих» граждан, однако при таком уровне государственной опеки это скорее невозможно. При повышении запроса на рост благосостояния, сдерживание инфляции, качественное бесплатное образование и медицину (это основные проблемы, тревожащие россиян) предложений, за исключением государственного обеспечения, по поводу того, каким образом этого достичь, не перекадывая ответственность на «верха», у населения нет. В периоды экономических кризисов, когда желаемое отдалается от действительного, растут претензии к правительству, рейтинги обваливаются, назначаются виноватые, например мигранты, «отбирающие рабочие места», или Запад, не дающий «развернуться» России. Граждане будут негодовать и злиться, но ждать, когда же все само собой разрешится.

Таким образом, основной повесткой на будущее, в первую очередь для государственных управленцев, должно стать преодоление патерналистского сознания населения путем расширения гражданских и правовых свобод, которое, однако, невозможно без пересмотра ценностной структуры российского общества, кризис которой сегодня отмечают многие исследователи.

#### **Список литературы**

1. **Латыпов, Н. Н.** Заговор Англии против России. От Маркса до Обамы. Россия: друзья и враги / Н. Н. Латыпов. – М. : АСТ, 2015. – 317 с.
2. **Фомина, Е.** «Мулбавар» вместо мордобоя / Е. Фомина // Новая газета. – 2015. – 12 марта.
3. **Burns, T.** The social construction of xenophobia and other-isms / T. Burns, M. Kamali, J. Rydgren. – URL: [ftp://ftp.cordis.europa.eu/pub/improving/docs/ser\\_racism\\_burns.pdf](ftp://ftp.cordis.europa.eu/pub/improving/docs/ser_racism_burns.pdf) (дата обращения: 14.08.2015).
4. **Фрэзер, Д.** Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Д. Фрэзер. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. – 781 с.
5. **Евгеньева, Т. В.** Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи / Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2007. – № 3 (46). – С. 83–92.
6. **Пипия, К. Д.** Ксенофобские и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002–2015 гг. / К. Д. Пипия. – URL: <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/> (дата обращения: 10.09.2015).
7. **Петров, В.** Вернуть графу / В. Петров // Российская газета. – 2015. – 3 февраля.
8. **Пипия, К. Д.** Рост ксенофобских настроений в России и в Европе: объекты неприязни и социально-политические условия в зеркале общественного мнения / К. Д. Пипия // Вестник Российской нации. – 2015. – № 2 (40). – С. 160–174.
9. Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Ж. А. Зайончковская, Л. Д. Гудков, И. М. Кузнецов [и др.] ; под общ. ред. В. И. Мукомеля, Э. А. Паина. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2006. – 168 с.
10. Мигрантофобия и миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. – М. : НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. – 245 с.
11. **Kaufmann, E.** Changing Places / E. Kaufman, G. Harris. – URL: <http://www.demos.co.uk/publications/changingplaces> (дата обращения: 19.08.2015).
12. **Гудков, Л. Д.** Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л. Д. Гудков. – М. : Новое литературное обозрение, ВЦМОМ-А, 2004. – 816 с.

13. Дубин, Б. В. «Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян / Б. В. Дубин // Pro et Contra. – 2014. – № 1–2. – С. 6–18.
14. Малахов, В. С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики / В. С. Малахов. – М. : Фонд «Либеральная Миссия», 2015. – 272 с.
15. Россия – не Украина: современные акценты национализма : сб. ст. / сост. А. Верховский. – М. : Центр «Сова», 2014. – 308 с.
16. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Ю. А. Левада [и др.] ; под общ. ред. Ю. А. Левады. – М. : Мир, океан, 1993. – 300 с.
17. Волков, Д. А. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: отчет о НИР / Д. А. Волков, С. В. Гончаров. – М. : Левада-Центр, 2014. – 58 с.

### References

1. Latypov N. N. *Zagovor Anglii protiv Rossii. Ot Marksa do Obamy. Rossiya: druz'ya i vragi* [A plot of England against Russia. From Marx to Obama. Russia: friends and foes]. Moscow: AST, 2015, 317 p.
2. Fomina E. *Novaya gazeta* [The new newspaper]. 2015, March 12.
3. Burns T., Kamali M., Rydgren J. *The social construction of xenophobia and other-isms*. Available at: [ftp://ftp.cordis.europa.eu/pub/improving/docs/ser\\_racism\\_burns.pdf](ftp://ftp.cordis.europa.eu/pub/improving/docs/ser_racism_burns.pdf) (accessed 2015, August 14).
4. Frezer D. *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii* [A golden branch: a research of magic and religion]. Moscow: AST: AST MOSKVA: Tranzitkniga, 2006, 781 p.
5. Evgen'eva T. V., Selezneva A. V. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Politia: Analysis. Chronicles. Forecast.]. 2007, no. 3 (46), pp. 83–92.
6. Pipiya K. D. *Ksenofobskie i natsionalisticheskie nastroyeniya sredi rossiyan: dannye reprezentativnykh oprosov 2002–2015 gg.* [Xenophobia and nationalistic attitudes among Russians: data of representative surveys 2002–2015]. Available at: <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/> (accessed 2015, September 10).
7. Petrov V. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian newspaper]. 2015, Febr. 3.
8. Pipiya K. D. *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of Russian nation]. 2015, no. 2 (40), pp. 160–174.
9. Zayonchkovskaya Zh. A., Gudkov L. D., Kuznetsov I. M. et al. *Nuzhny li immigranty rossiyskomu obshchestvu?* [Does Russian society need immigrants]. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya», 2006, 168 p.
10. *Migrantofobiya i migratsionnaya politika* [Migrantophobia and migration policy]. Red. resp. V. I. Mukomel'. Moscow: NP «Tsentral'nyy Dom advokata», Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, «Academia», 2014, 245 p.
11. Kaufmann E., Harris G. *Changing Places*. Available at: <http://www.demos.co.uk/publications/changingplaces> (accessed 2015, August 19).
12. Gudkov L. D. *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative identity. Articles of 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, VTsMOM-A, 2004, 816 p.
13. Dubin B. V. *Pro et Contra*. 2014, no. 1–2, pp. 6–18.
14. Malakhov V. S. *Integratsiya migrantov: Kontseptsii i praktiki* [Integration of migrants: Conceptions and practices]. Moscow: Fond «Liberal'naya Missiya», 2015, 272 p.
15. *Rossiya – ne Ukraina: sovremennye aktsenty natsionalizma: sb. st.* [Russian is not Ukraine: modern accents of nationalism: collected articles]. Comp. by A. Verkhovskiy. Moscow: Tsentr «Sova», 2014, 308 p.
16. Golov A. A., Grazhdankin A. I., Gudkov L. D., Dubin B. V., Levada Yu. A. et al. *Sovetskiy prostoy chelovek: Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh* [A soviet common man: Social portrait experience at the turn of 1990s]. Moscow: Mir, okean, 1993, 300 p.

17. Volkov D. A., Goncharov S. V. *Potentsial grazhdanskogo uchastiya v reshenii sotsial'nykh problem: otchet o NIR* [A potential of citizens' participation in social problem settling: a research wrk report]. Moscow: Levada-Tsentr, 2014, 58 p.

---

**Пипия Карина Джаниеровна**

аспирант, Московский государственный  
университет дизайна и технологии  
(Россия, г. Москва, ул. Садовническая,  
33, стр. 1)

E-mail: karinapipia@gmail.com

**Pipia Karina Dzhanierovna**

Postgraduate student, Moscow State  
University of Design and Technology  
(building 1, 33 Sadovnicheskaya street,  
Moscow, Russia)

---

УДК 316.4

**Пипия, К. Д.**

**Националистический окрас современного российского патерна-  
лизма / К. Д. Пипия // Известия высших учебных заведений. Поволжский  
регион. Общественные науки. – 2016. – № 1 (37). – С. 130–142.**